

Культура. — 1998. — 2-8 июля. — С. 77

Все в нем кричит об одиночестве

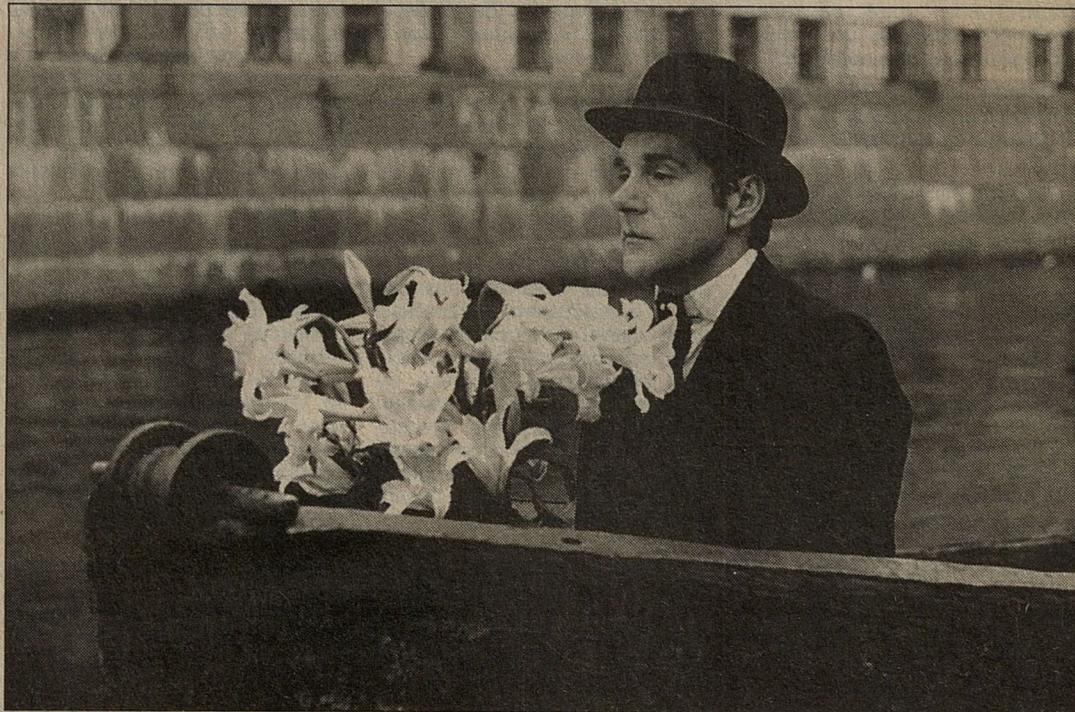
Сергей Маковецкий в интерьере "Кинотавра"

Когда в период малокартинья один актер занят в четырех конкурсных фильмах фестиваля, это говорит о том, что именно он активно востребован временем. Сразу же возникает вопрос: что вывело его на первые позиции и сделало необходимым многим?

Речь идет о Сергее Маковецком. Удивительным образом сумел он прожить в кино и на сцене последние шесть-семь лет, по-своему рассказав о драматическом пути страны, соотечественников — что бы ни играл. От общих надежд до скептического отчаяния, от веры до безысходного неприятия мира. Последнее звучит невесело, однако, некуда деться от горьких истин, соответствующих реалиям; к тому же актер еще и способен обострить их.

Кинобиография Маковецкого, по сути, началась ролью Ильина в "Патриотической комедии" Владимира Хотиненко. Картина снималась после августовского путча 1991 года, когда души взметнулись, что-то прорвалось во тьме и хляби перестройки, забрезжило. Показалось: еще немного и свершится долгожданное. Не свершилось. И милый интеллигент Ильин, чьи ценностные представления, безусловно, имели корни в русской культуре, не мог не почувствовать, как все громче звучит гимн разрушению с его попарением святынь, стремлением стереть границу между добром и злом. В такой ситуации благодарным, прекрасным и милым Ильиным оставалось либо кардинально меняться, либо уходить со сцены, что и происходило с последовавшими героями Маковецкого. С одной стороны — Макаров из одноименного фильма, взявший в руки пистолет, с другой — бывший следователь из "Пьесы для пассажира", ставший проводником, спасаясь от возмездия.

Такова предыстория в движении актера к четырем новым работам, которые были представлены на последнем Открытом российском кинофестивале в Сочи. По большому счету его роли не равноценны. Слишком неоднозначны взаимоотношения исполнителя с драматургией, точнее, с уровнем ее, с режиссерами разной степени одаренности, далеко не всегда соответствующими актерскому составу Сергея Маковецкого. Порой ему приходится работать исключительно на собственном топливе. Он неизменно тактичен во взаимоотношениях с постановщиками, стараясь раздвинуть границы их возможностей. И в каждом из четырех фильмов так или иначе прорывается к своей теме: человек, лишенный твердой почвы, человек, страстно ищущий для себя хотя бы крохотный островок надежды, что вряд ли реально в жестокой современной междоусобице. И тогда человек придумывает для себя некую иллюзию, за нее упор-

С.Маковецкий в фильме "Про уродов и людей"

но цепляется, а она ползет у него под руками. Случается, потеряв последнюю опору, выбирает духовное, нравственное отступничество, а потом садистически наслаждается собственным саморазрушением.

Поначалу может показаться, что вроде бы странно соотносить такую устремленность артиста с милыми, неприхотливыми (пусть и несколько двусмысленными) перипетиями лирической комедии Петра Тодоровского "Ретро втроем", где Маковецкий играет провинциального актера, жившего где-то в "горячей точке" и потерявшего дом, работу, возлюбленную в силу известных обстоятельств. Он уезжает в Москву. Бездомье для героя Маковецкого не просто горестная житейская неприятность, а прежде всего — неприкаянность души. Потаенная неприютность живет в нем, не покидая в протяжении всей картины.

Тодоровский пытался снять римейк классической "Третьей Мещанской" Роома. Не получилось ни римейка, ни полноценной комедии о трех любящих. Маковецкий же изначально от персонажа старой ленты уходит: он знает, что сегодня в России бушуют подземные толчки и наземные катастрофы совсем иного толка, чем те, что тревожили героев "Третьей Мещанской". Эти катастрофы, катаклизмы сжимаются вокруг прибывшего в столицу безработного, вышвырнутого из родного мира человека. Он хочет как-то отместить все в сторону, бросаясь в странное любовное приключение, чтобы забыть, хотя бы на время уйти от

того, что точит сердце и мысли. Поэтому он, принятый как желанный гость в доме своего друга, ничуть не терзается, вступив в связь с его постноватой супругой. Маковецкий играет не столько внезапное чувство к женщине, сколько симпатичное порхание по поводу чувств. На самом деле все кричит в нем об одиночестве и черепках недавнего прошлого.

Герои актера вообще никогда не укладываются в житейские страсти и страдания. Маковецкому очень к лицу то, что написано драматургом Валерием Залотухой в сценарии "Он не завязывал шнурки". Муж Станислав после смерти жены Виктории, погибшей отчасти по его вине, вступает в ирреальное общение с ушедшей, причем то заново влюбляется, то скандаля и ненавидя свою бывшую половину. Но отношения с режиссурой у постановщика фильма Александра Черных напоминают о неандертальце, взявшем в руки попавший по случаю телескоп. Черных попросту не знает, что ему делать с отстраненной драматургией Залотухи, и чтобы что-то снять, одним махом переводит все в чисто бытовой план. Живые и мертвые, киллеры и посланцы ада — все в кучу!

В этой тяжелой ситуации Маковецкий таким-то необыкновенно точным усилием держит дистанцию, позволяющую ему существовать особо, независимо от хилых решений режиссера. Он общается с воображаемой Викой, проигрывая все возможные в их обстоятельствах повороты, переходы от покаяния к очередным вспышкам

давней обиды. Актеру вдвойне трудно: его партнерша Татьяна Яковенко, играющая Викторину, кажется, явилась на экран из заграничного скетча о пошлой и необязательной женщине-капризнице, терзающей мужа своей глупостью. С другой стороны, такая прямолинейность и унылая экранная жизнь актрисы еще сильнее оттеняют сепаратное существование партнера.

Польский колорит фильма "Он не завязывал шнурки" (картина снималась в Варшаве) все время подталкивал к мысли: почему актер такого острого характерного дарования, как Маковецкий, при его способности к самоиронии и отсутствии патетики, до сих пор не играл в пьесах Мрожека? Отчего до сих пор никто из сценаристов и кинорежиссеров не создал роль специально для Маковецкого?

Несколько лет назад в картине Сергея Урсуляка "Летние люди" Маковецкий блистательно сыграл адвоката Басова — опять-таки неукорененного человека на один сезон, но, в отличие от других героев артиста, Басов несколько не страдал от эфемерности своего существования, принимая ее как данность. В новой картине Урсуляка "Сочинение ко Дню Победы" у Маковецкого роль эпизодическая и несколько выпадающая из общего стиливого течения фильма. Следователь Чечевкин тупо жизнерадостен и весело алчен, оттого столь откровенен в наглom взятничестве, так идиотически откровенен, что и осудить его поначалу было бы забавно: что с такого требовать! Актер верен род-

ной вахтанговской школе, но и традициям, идущим от Игоря Ильинского, Эраста Гарина, воспитанников Мейерхольда, органично сочетая то и другое.

Влипая в компромат при получении солидной взятки, Чечевкин ошеломлен: ведь все вокруг так поступают, все в норме! Просто не повезло. Бедняга в эти минуты напоминает собачку, нашкодившую в хозяйской гостиной, но знающую, что вскоре простят. Актер представляет еще одно существо, подобное мыльному пузырьку, взлетевшему и сразу же бесследно растаявшему. Юмор, буффонада — и точный социальный портрет. Безумие времени.

Во второй раз работал Маковецкий с Алексеем Балабановым в картине "Про уродов и людей". Их первая встреча дала замечательный результат в новелле "Трофим". В новом фильме режиссер и актер резко меняют регистры. От психологической драмы о человеке, стертом временем, они уходят в исполненный кошмаров гротеск. От боли за судьбу невинного Трофима-убийцы — к кощунственно жестокому садисту.

Маковецкий играет своего героя крамольно. Отрицает минимальные проблемы человеческого в уроде Иоганне, владельце фотостудии, упоенно фиксирующем уродство, воспевающим антисвятыни, мрак. Это хозяин черной вечери, которая уже никогда для него не кончится. Остались какие-то внешние формы человекоподобия — ходит, произносит слова, садится, встает, но походка одолжена у роботов, голос тускл, интонации скудны, стоящий взгляд стеклянных глаз. Обратной дороги нет, она и не нужна Иоганну. Трагипародийная ситуация, предложенная Балабановым, исчерпывается Маковецким абсолютно.

Четыре фестивальные роли Сергея Маковецкого — мощный спектр красок при точной внутренней устремленности к определенному образу. К судьбам людей, теряющих естественные связи с жизнью. Для них вычитаются или уже вычтены основы этих связей — любовь и вера. Но не по их вине чаще всего. Актер, как правило, бежит пафоса. Он просто предупреждает с затанной драматической болью о том, куда мы идем.

В регламенте "Кинотавра" нет для актеров премии "по совокупности сыгранных ролей". Жаль. Именно в совокупности в созданных Маковецкого вырастает интереснейший современный характер. Возможно, вскоре, соединив все воедино, он сыграет нечто подобное в одном фильме или спектакле. В день закрытия фестиваля Сергею Васильевичу исполнилось сорок лет.